

Оглавление

ВЛАДЫКА НАВАЖДЕНИЙ

Перевод Натальи Осояну

От автора	6
Пролог. Башня Байбхелу	10
Часть первая. Испорченный плод	59
Часть вторая. Душа луны	120
Часть третья. Горечь радости	212

ВЛАДЫЧИЦА БЕЗУМИЯ

Перевод Ольги Лаврешиной

Вступление	315
Пролог	319
Книга первая. Соваз: владычица безумия	321
Книга вторая. Богиня Азрьяз	539
Книга третья. Атмех: в поисках жизни	755
Эпилог: Три прекрасных сына	881

ВЛАДЫКА НАВАЖДЕНИЙ
Сага о Плоской Земле:
КНИГА ТРЕТЬЯ

От автора

Начало работы над этой книгой выдалось немного странным по моим меркам. Я знала, что рано или поздно ею займусь, однако поразительно нетерпеливый пролог, не пожелав ждать, атаковал меня, хлопая многоцветными крыльями и издавая пронзительные вопли. Когда такое случается — если уж случается, — считаю, лучше не сопротивляться. И потому я с радостью написала этот пролог как самостоятельную историю. После чего вернулась к роману, над которым трудилась в тот момент, и к так называемой реальной жизни.

Тогда я находилась в процессе покупки своего первого, крошечного домика. Симпатичного местечка с миниатюрной пристройкой, где можно было разместить кабинет. Там нашлось место для всех книг и растений, что я уже собрала. Был даже сад размером с большой обеденный стол, примыкающий к одичалому фруктовому саду. Дом располагался всего в десяти минутах ходьбы от квартиры моих родителей, и мне нравилось их общество. Мне было тридцать два.

Итак, после пролога к «Владыке Наваждений» я занималась то одним, то другим, не возвращаясь к книге в течение нескольких месяцев. Помню, как первая строка второго начала (то есть первой главы романа, которая называется «Сказители») пришла мне на ум, когда я прогуливалась по зимнему парку, глядя на пылающий закат.

Соответственно, вернувшись к книге, я опять повстречала Чуза, Князя Безумия, которого влекут красота и уродство, а также абсурдность и обреченность того и другого.

Чуз. (Кстати, в его имени — Chuz — «u» произносится так же коротко, как в английских словах «pull» (тянуть) или «fulfill» (выполнять).) В отличие от предыдущих исполнителей главных мужских ролей в романах «Владыка Ночи» и «Владыка Смерти», Чуз, похоже, не просто атрибут, становящийся сущностью — то есть в некотором роде героем, — но, в конечном счете, глина, из которой формируется подлинный протагонист; хотя этот свойственный смертным потенциал более явно раскрывается в четвертом и пятом томах, «Владычице безумия» и «Ночных чарах». Впрочем, в книге, озаглавленной в честь Чуза, главным действующим лицом является Азрарн, хоть это и противоречит всяким предположениям.

Моя мать Хильда всегда оказывала влияние на мою работу. (Отец тоже, хотя, как правило, не столь прямое.) Они оба время от времени делились со мной озарениями или идеями. Но влияние матери часто маячило где-то на заднем плане просто потому, что

именно она ввела меня в мир мифов, фантазий и легенд. Таким образом, героиня «Владыки Наваждений» многим обязана Хильде Ли. В том числе и в плане облика. На обоих моих родителей было приятно смотреть, и они сохранили это качество до глубокой старости. Но отчасти неземная Дунизель, без сомнения, похожа на маму в молодости — за исключением того, что мама никогда не была натуральной блондинкой и глаза у нее были не голубые, а темно-зеленые.

Прежде чем покинуть родительский дом, я всегда читала ей свои работы по мере их написания. Она была не только замечательной и отзывчивой слушательницей, но и прекрасным редактором. Она также, как я нередко упоминала, умела читать мои рукописи, написанные ужасным почерком (к сожалению, с годами он не стал лучше — скорее наоборот), и перепечатывать, придавая им безупречно разборчивый вид. К тому времени, когда я переехала в новое жилище и начала обустраивать свой личный мир, она уже перепечатывала «Владыку Наваждений», поскольку я закончила книгу буквально в последний момент перед тем, как покинуть родительскую квартиру. Однако из-за суматохи с отъездом я не успела дочитать ей роман до конца. Тогда мы совместно решили, что она перепечатает рукопись и таким образом сама ознакомится с последней третью книги; время от времени подобное случалось и раньше. Она, конечно, знала сюжет — я рассказала его, как только придумала.

Однако моя мать так и не дочитала «Владыку Наваждений» до конца. Ее здоровье на протяжении

многих лет оставалось слабым, хотя никаких особенно опасных проблем не было выявлено. Так или иначе, в августе 1980 года она умерла.

Это неподходящее место для рассказа о семейном горе — и потому я не стану останавливаться на нем. О собственном же могу заметить лишь одно. Я очень сильно любила свою мать, но по-настоящему ее не оплакала. Ее утрата просто сделалась частью меня — константой, которая не мешает думать о ней с радостью или наслаждаться воспоминаниями; чем-то неотъемлемым — и тем, чего нет. И все-таки она не исчезла совсем. Она остается со мной и, я твердо убеждена, пребывает *где-то еще* — в том месте, что принадлежит только ей.

В силу всех этих причин, пусть Хильда Ли и спровоцировала рождение цикла о Плоской Земле, вследствие чего первая книга («Владыка Ночи») была и остается посвященной ей, «Владыка Наваждений» во всех своих аспектах — по сути, ее безраздельное владение.

Отныне и навеки.

Танит Ли

2011

Пролог

БАШНЯ БАЙБХЕЛУ

В миле от покрытых эмалью стен города, где простиралась сверкающая, как золотое стекло, пустыня, в каменной башне сидела прекрасная женщина и играла с костью.

— Придет ли он ко мне сегодня? — спросила она кость, укачивая ее в руках, как дитя.— Будет ли искать меня этой ночью? Все звезды засияют, но он полыхнет ярче. Конечно, он не осмелится явиться днем, потому что затмит солнце. Солнце умрет от стыда, и весь мир погрузится во тьму. Но, ах, он придет, мой Немдар,— продолжала прекрасная женщина.— Немдар, мой господин.

Ее звали Джазрин; Немдар был царем, чей город стоял в миле к востоку. Когда-то он был ее мужем. То время прошло.

Когда день собрался уходить, завернувшись в свои одежды и бесшумно покидая пустыню, Джазрин позвала служанок. Теперь у нее было лишь две служанки: одна — старая женщина, другая — юная девушка. Обе жалели ее, но она почти не замечала их присутствия. А уж

отвращения, что таилось за жалостью,— тем более. Внизу, у двери, стояли на страже мускулистые мужчины, вооруженные мечами и топорами, чтобы не впускать и не выпускать опасность. Башню окружали пальмы с медно-зелеными листьями, и рядом раскинулся пруд, похожий на упавший осколок неба. На закате девушка побежала к пруду, чтобы набрать воды для своей госпожи. Вскоре Джазрин приняла ванну, надушилась и умастила себя благовониями. Старуха расчесала волосы Джазрин цвета пустыни и вплела в них драгоценные камни, как велела ей госпожа. На Джазрин надели шелковое платье, а на ноги — золотые туфельки. Все это время Джазрин не выпускала из рук кость. У нее имелась на то веская причина. Это была кость ее ребенка.

— Готовьте угощение,— приказала Джазрин своим служанкам.— Скоро прибудет мой повелитель Немдар.

Служанки, как могли, повиновались ей. Они накрыли столы вышитыми салфетками и расставили серебряные тарелки, на которые положили приготовленное мясо, хлеб, фрукты и сладости. В серебряные кувшины, обложенные льдом, налили вино.

— Сыграй что-нибудь,— велела Джазрин молодой служанке.

Девушка взяла струнный инструмент и извлекла из него звуки кристальной, болезненной чистоты, лишь чуточку громче вдоха.

Джазрин выглянула из окна. Посмотрела на город, раскинувшийся в миле от нее на темных склонах пустыни.

Над головой зажглись звезды. Джазрин взглянула на их сияющее отражение, что двигалось во тьме, на

поток светильников и факелов, изливавшийся из города Шева; процессию, которая должна была привести к ней ее повелителя.

— Скоро,— сказала она, обращаясь к останкам своего мертвого ребенка,— скоро он вернется ко мне. Его волосы подобны бронзе, его сила подобна солнцу, его глаза подобны звездам. Он возляжет со мной, и его уста будут как вино, а чресла — как огонь. О, какую музыку он пробудит во мне, и я буду лишь инструментом для этой музыки. От музыки во мне возникнет жизнь. Мой живот вырастет вместе с тобой, дитя мое; ты родишься заново.

Но если кость и слышала ее, то не подавала виду. Если ночь и слышала ее, то оставалась безразличной. И если царь Немдар, сидевший во дворце со своей новой царицей, услышал ее, то заткнул уши.

В полночь Джазрин закричала. Отшвырнула кость в угол. Начала царапать себя, рвать на себе волосы, и служанки подбежали, чтобы ей помешать. Джазрин сделалась такой слабой, что даже старая женщина и хрупкая девушка могли удержать ее — к тому же обе были хорошо обучены. Так повторялось каждую ночь.

И, как прошлые ночи, Джазрин плакала часами. Каждую ночь она проводила в слезах, лишь в пастельные мгновения пред рассветом ей удавалось ненадолго сомкнуть глаза, а проснувшись, она звала свое дитя. Юная служанка приносила ей кость, и Джазрин качала ее, прижимая к груди.

Когда взошло солнце, Джазрин снова спросила кость:

— Придет ли он ко мне сегодня? Будет ли искать меня этой ночью?

Но Немдар не собирался к ней приходить.

Ей было шестнадцать, когда она вышла за него замуж. До той поры она жила в полноводном краю, где были реки, озера, каскады и фонтаны. Зеленые холмы высились над зелеными долинами, небо покрывала зеленая мозаика листвы. Когда ей сказали, что она должна отправиться из этой страны зеленого бархата в страну необработанного янтаря, Джазрин заплакала, как может плакать лишь человек, который, не знавший недостатка в воде, привык ее бездумно тратить. Покорная, несчастная и испуганная, она отправилась к мужчине, который должен был стать ее мужем, но не сводила глаз с зеленой земли, которую ей предстояло покинуть. Когда он нежными сильными пальцами приподнял вуаль с ее лица, ей показалось, что солнце осветило ее. Она медленно подняла глаза и увидела, что Немдар был солнцем, и солнце своей улыбкой осушило ее слезы.

Немдар был прекрасен, словно молодой лев. Его волосы блестели, как металлическая стружка, а глаза были цвета серых камней, над которыми трепещет бледным маревом горячий воздух пустыни. Узрев свою невесту, он улыбнулся ей, потому что был польщен ее красотой. Он хотел, чтобы ему доставили удовольствие; она же теперь хотела доставить удовольствие ему — и больше ничего.

Она ехала в Шев в карете, увешанной позвякивающими серебряными медальонами, ее волосы ниспа-

дали каскадом, а глаза были полны не слез, но любви. Она была принцессой водопадов. Во дворце, за дверями спальни, Немдар поведал ей о другой стране, где смешались огонь и жидкость.

Вскоре она понесла от него. Немдар не поспешил и на другие дары: золотые ожерелья, серебряные зеркала, сапфировые браслеты, нити жемчуга. Он разбил для нее сад, где лотосы, словно лебеди, плавали по неглубоким заводям; водный рай посреди пустыни. Он послал ей шкуру убитого им льва — плащ, в который она должна была завернуть их сына, когда тот родится. Он все это прислал, но сам больше ее не навещал. Ребенок сделал ее большой, неуклюжей и некрасивой. Немдар, свободный, как песок или солнечный свет, предпочитал входить к другим женщинам. Он был ненасытным, его вкусы отличались разнообразием. Ребенок лишь ускорил его неизбежное стремление к переменам. Конечно, в его сердце еще оставался уголок для Джазрин, но также было место и для других, а в его постели — место для женщин всего мира.

Она увидела, как взор супруга обратился на девушек с шафрановыми волосами и сливочно-бледной кожей, а также девушек темных, словно патока, с волосами, похожими на дымчатое руно. Она почувствовала исходящий от него запах чужой кожи и волос, чужих духов и вождения. Ее душа сжалась, скукожилась. В конце концов ее душа стала такой крошечной, что могла бы поместиться в зернышке кориандра.

Затем Джазрин посмотрела на свое отражение в прудах с лотосами, в серебряных зеркалах. Она поня-

ла, что ребенок Немдара сделал ее уродливой, и начала ненавидеть этого ребенка. До того момента она почти не задумывалась о своей жизни, или, скорее, не думала, что может что-то изменить. Но теперь ее охватил великий ужас. С ней произошли грандиозные события, и ни одно из них не случилось согласно ее воле. Изгнание, любовь, беременность и одиночество. Далее предстояли роды. Кое-кому случалось мучиться сильнее, но разве можно со всей уверенностью сказать, что боль и страх не показались Джазрин ужаснее всего, что когда-либо выпадало на долю женщины? Как будто ее тело разорвалось, а разум раскололся пополам. Она родила сына, и его положили на львиную шкуру, а Джазрин лежала на ложе из раскаленной лавы. И все же она подумала: «Теперь я свободна, и он вновь меня полюбит».

Немдар прислал подарки. Для жены — серьги и ожерелья из ляпис-лазури, для сына — нефритовое яблоко. Когда царь вошел в комнату, он высоко поднял младенца на руки, как когда-то поднимал вуаль своей невесты, и радостно рассмеялся, глядя на сына. И лишь разок улыбнулся Джазрин. Он на нее толком и не посмотрел.

Через некоторое время из покоев Джазрин нетвердыми шагами вышла женщина. Ее душа могла бы поместиться в зернышке кориандра, а разум был расколот надвое. Одна часть сказала ей: «Погляди, мой супруг играет со своим сыном». Вторая часть сказала ей: «Погляди, мой супруг смотрит только на ребенка, но не на меня».

Немдар подарил ребенку шелковую одежду, игрушки из слоновой кости, золотой браслет на лодыжку. Потом подошел к кровати Джазрин.

— Я красива? — спросила она своего супруга.

— Ты прекрасна, словно лотос, и плоды твоего чрева прекрасны. Давай же сотворим еще один, ты и я.

— Мой господин,— сказала Джазрин,— мне нынче нездоровится. Не проси меня о подобном. Лучше пойди к одной из своих женщин — той, что бела как снег, или той, что чернее чернил.

— Ну же,— настаивал Немдар,— я желаю тебя.

Затем ее раздвоенный разум вложил в ее уста слова, сладкие, как мед:

— Я тосковала по тебе...

И колючие, как лист алоэ:

— ...а ты вспомнил обо мне в последнюю очередь.

Немдар увидел ее обиду и сказал:

— Я вел себя необдуманно и исправлюсь. Но я никогда не относился к тебе с меньшим почтением, чем к остальным.

— Я всего лишь одна из твоих потаскух.

— Ты моя жена и мать моего наследника.

Джазрин больше ничего не сказала, вытянулась и стала как камень. Не сумев расшевелить супругу, Немдар ее покинул. В его саду было много цветов — зачем ждать именно этого? Если бы в тот момент кто-то вскрыл зернышко кориандра, он бы уже не смог отыскать душу Джазрин, потому что она превратилась в крупинку размером с булавочное острие.

В тот месяц неглубокие пруды пересохли, и лотосы погибли. «Вот,— сказала вторая часть разума Джаз-

рин,— вот что они сделали с тобой, Немдар и сын Немдара».

И первая часть ее разума прошептала: «Если бы ты не понесла, Немдар любил бы тебя до сих пор».

Дитя спало в тени на львиной шкуре, а рядом спала его кормилица, и повсюду были разбросаны крошечные зверьки из слоновой кости, которых царь прислал сыну, а на его лодыжке блестел золотой браслет.

Джазрин бесшумно подняла накидку кормилицы, которую та сбросила из-за дневной жары. Завернулась в эту одежду, натянула на голову просторный капюшон, а затем взяла на руки ребенка в шкуре. Потом заплакала, потому что малыш был невинен и прекрасен, но все равно оставался ее врагом.

Джазрин прошла через дворцовые дворы, и никто не задал ей ни одного вопроса, приняв за достойную доверия кормилицу. Когда она вышла на улицу и пустилась в путь через город, стала просто еще одной женщиной, прижавшей к себе дитя. И действительно, иногда Джазрин видела других матерей с младенцами, и ей было грустно за них, потому что она верила, будто каждая женщина, родившая ребенка, потеряла любовь своего супруга.

По широким и узким улицам шла она, через огромный рынок, где бурые верблюды горделиво сверкали очами, и иссиня-черные фиги покрывались каплями влаги, и красное мясо качалось на крюках, и мальчишки танцевали под дудочку, а из медной вазы выползла змея с капюшоном, расправленным в форме сердца... В конце концов Джазрин подошла к высоким,

изукрашенным эмалью стенам Шева. Она не увидела изображенных там зверей и цветов. Она выбежала через широкие ворота, тень от которых была черна, словно смерть. И побежала в пустыню.

Примерно в сотне шагов от городских стен — там, где был колодец — располагался лагерь кочевников. Джазрин смело шла между палатками, и никто ей не мешал, поскольку она была женщиной, а в тех краях не очень-то боялись женщин — по крайней мере, так было принято считать.

Наконец Джазрин набрела на группу из нескольких малышей, включая сущих крошек, которые спали или сонно играли друг с другом в тени одного из шатров. Неподалеку отдыхала пара крупных охотничьих псов, положив на лапы свои рыжевато-коричневые морды.

Джазрин еще не до конца потеряла рассудок. Ей показалось логичным, что ее сын может незаметно затеряться среди стольких малышей. А когда придут другие матери и обнаружат лишнего ребенка, они, несомненно, заберут его, приняв в качестве вознаграждения золотой браслет на лодыжке. После полудня лагерь свернут — такие кочевники редко задерживались надолго в каком-нибудь месте, не говоря уже о городах пустынной страны, которые считали обителями дьявольских сил и упадка. К приходу темноты, если не раньше, Джазрин освободится от существа, которое безвинно лишило ее всякой надежды на счастье.

Пока она стояла там, лихорадочно размышляя обо всем этом, один из псов поднял голову, принюхиваясь, и тихо зарычал на чужачку. Очевидно, животные